

Россия в веймарском зеркале, или Соблазн легкого узнавания

Глеб Мусихин

За последние десятилетия процессы демократизации кардинально меняют политическое лицо мира. В этой связи полезны как сравнительный анализ политических процессов, протекающих в разных странах в одно и то же время, так и соотнесение опыта государств со сходной исторической судьбой, но относящейся к разным эпохам.

Россию часто сравнивают с Германией, и прежде всего потому, что в XX веке обе страны «подарили» миру классические образцы тоталитарных режимов. Они стали болезненным плодом модернизации, при осуществлении которой обе страны не смогли сохранить баланс между старым и новым. Негативный опыт Германии позволяет лучше понять процессы, происходящие сейчас в нашем государстве.

Наиболее доступны для сравнительного анализа особенности политической культуры двух стран. Однако такой подход создает, на мой взгляд, ощущение фатальной обреченности процесса демократизации: ведь если нет демократических традиций, демократия невозможна. После Второй мировой войны противники полного возрождения германской государственности обосновывали свою позицию, в частности, тем, что немецкий народ не способен к самостоятельному демократическому развитию из-за авторитарных элементов в его политической культуре. Однако пример послевоенного развития Западной Германии показал, что происшедшую в этой стране глубокую демократизацию *нельзя вывести только из компонентов политической культуры.*

Более плодотворным кажется мне сравнение периодов трансформации в обеих странах под углом зрения их институционального развития. Ведь в этот период именно система институтов приобретает особое значение, поскольку при демократии нормы, процедуры и правила должны действовать «автоматически», независимо от воли той или иной властной

группировки, гарантируя подотчетность и сменяемость тех, кто стоит у руля государственного управления. Кроме того, поскольку в переходные периоды резко возрастает роль руководящего слоя общества, интересно проследить, как ведет себя в условиях той или иной институциональной системы политическая элита. При этом, безусловно, следует учитывать и особенности национальной политической культуры, не приписывая им, однако, фаталистической силы.

Александр Янов в своей книге «После Ельцина»¹ попытался сопоставить современную российскую ситуацию с веймарской Германией, где, как известно, попытка перехода к демократии кончилась неудачей и привела к установлению бесчеловечного тоталитарного режима. Однако, стремясь выявить подобие, автор, на мой взгляд, поддался соблазну узнавания, обойдя своим вниманием существенные различия между двумя анализируемыми им случаями.

Институционализм и элита

1. Институциональный дуализм Веймарской республики

Пожалуй, наиболее отчетливо двойственность институционального устройства веймарской Германии отражает ст. 1 ее конституции, начинавшейся словами: «Германский рейх (т.е. империя. — Г.М.) — республика»². Эта фраза передает весь драматизм и неоднозначность образования нового государства, которое приходилось создавать в условиях политического цейтнота, порожденного Ноябрьской революцией 1918 года и поражением Германии в Первой мировой войне. Столь бурного развития событий не ожидал никто, так что и *ни одна* из политических сил не готова была взять на себя всю ответственность за будущее страны. Многие немецкие авторы справедливо отмечают, что инициатором проведенный перед революцией парламентской реформы, целью которой было повысить роль рейхстага и создать ответственное правительство, было не широкое общественное движение, а Верховное командование рейхсвера³.

Формируя демократическое государство, группировки, вынесенные революцией на вершину власти, импровизировали. Единства между ними не было, но все они хотели воспрепятствовать развитию революции по «большевистскому» сценарию. Понятно, что консенсус, достигнутый на основе выбора между альтернативами «победа социалистической революции» и «союз социал-демократии с либерализмом, рейхсвером и бюрократией», прочным быть не мог⁴. Однако именно на его основе была разработана Веймарская конституция, ставшая своего рода «промежуточным решением»⁵. Она вобрала в себя, с одной стороны, умеренно-социалистические и либеральные идеи (была фактически принята парламентская форма правления, опиравшаяся на партийно-пропорциональную систему представительства), а с

другой — сделала уступку авторитарным союзникам, учредив квазимонархический пост президента. Его избирали всенародным голосованием, и в соответствии со знаменитой ст. 48 конституции он обладал огромными полномочиями *в случае чрезвычайных обстоятельств*, причем имел право самостоятельно решать, что следует считать такими обстоятельствами. Позволю себе пространную цитату из этой важной статьи: «Если какая-нибудь область не выполняет обязанностей, возложенных на нее конституцией или *имперским* законом, то президент рейха может принудить ее к этому с помощью вооруженной силы. Если в пределах Германского рейха серьезно нарушены общественная безопасность и порядок или если *грозит опасность такого нарушения*, то президент рейха может принять меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, а в случае необходимости — с помощью вооруженной силы. С этой целью он может временно *приостановить и полностью, и частично гарантии основных прав* (здесь и далее курсив мой. — Г.М.)»⁶. Таким образом, в конституцию был заложен взрывоопасный дуализм: в стабильной обстановке Германия должна была функционировать как парламентская республика с ответственным перед рейхстагом правительством, в кризисной же ситуации она превращалась в авторитарную квазимонархическую систему. Известный немецкий журналист Карл фон Осецкий заметил по этому поводу, что статья 48 конституции стала «пузырьком с ядом во внутреннем кармане конституции»⁷. Карл Брахер высказал ту же мысль в политико-правовых терминах: «Веймарская конституция была готова одобрить нарушение и самоубийство конституции конституционным путем»⁸.

Однако подобные несообразности, приведшие к «немецкой катастрофе», не были плодом легкомысленного «остроумия» составителей конституции 1919 года. Основные части новой правящей элиты Германии были *принципиально* против любого другого подхода, поскольку он неизбежно нарушил бы неустойчивое соглашение, достигнутое между различными — зачастую противоположно ориентированными — группировками. Поэтому «Веймарская конституция стала соединением *конкурирующих* содержаний в один *сознательно плюралистичный* компромисс»⁹.

Включение в институциональную систему противоречивших друг другу элементов привело к тому, что новое государство не удовлетворяло *ни одну* из частей правящей элиты. Возникшая республика была нежеланным ребенком *для всех* сколько-нибудь влиятельных политических сил, и каждая из них рассчитывала позднее взять реванш за вынужденные уступки. Поэтому будущее республики постоянно находилось под двойной угрозой, исходившей от *внутрисистемных* сил (не считая «непримиримых»): с одной стороны, существовала угроза, что в межпартийной борьбе какая-либо единственная группировка захватит власть, а с другой — что бюрократия выведет из строя парламентский механизм.

2. «Разумный авторитаризм» в современной России

Даже беглый взгляд обнаруживает в развитии России после 1991 года элементы сходства с Веймарской республикой. Институциональное устройство нового государства тоже родилось в результате политико-правовой импровизации новых и псевдоновых правящих элит, которые пытались как-то согласовать свои интересы, учтя при этом и «передовой зарубежный опыт».

Однако столь явный и конфликтный институциональный дуализм, как в веймарской Германии, в нашей стране не возник. Этому помешали события конца 1993 года, когда окончательно возобладали курс на авторитарно-президентскую форму правления. В отличие от Веймарской конституции, которая была плодом *вынужденного* компромисса между несколькими политическими группировками, ни одна из которых в отдельности не могла претендовать на гегемонию, российская конституция 1993 года стала конституцией победителей и институционально закрепила позиции сторонников сильной президентской власти. Если у германской конституции 1919 года не было сторонников, которые считали бы ее *полностью своей*, то у конституции 1993 года таковые бесспорно были; более того, они занимали и продолжают занимать командные высоты в правящей элите.

Возобладавшая ориентация на сильную президентскую власть избавила, с одной стороны, российскую правящую элиту (во всяком случае сейчас) от опасного институционального дуализма, которому была подвержена веймарская Германия. Но с другой — очевидная авторитарность нынешней российской конституции делает проблематичной перспективу демократизации России.

Еще одно различие между веймарской и российской элитами объясняется традициями национальных политических культур. Немцы веками испытывали пиетет по отношению к законам и государственным институтам. Поэтому ситуация, в которой Основной закон государства не внушал уважения и многие представители правящего класса *не желали* его уважать, воспринималась как нетерпимая и нуждающаяся в изменении. В России же расхождение между декларациями и реальностью всегда оказывалось скорее нормой, чем исключением из правила. Роль «неюридизированных нормативов и настроений в регулировании» была настолько значительна, что «правовые нормы и институты традиционно играли небольшую роль»¹⁰. Иными словами, ситуация, когда «модели поведения разных социальных групп противоречат институциональным установлениям»¹¹, воспринималась правящей элитой *как привычное отклонение от нормы*. В Германии такое положение дел казалось нетерпимым и свидетельствовало о необходимости внесения существенных коррективов. Однако одни группировки элиты, хотя и заявляли, что способны внести их, на самом деле сделать этого не могли; другие же предпочитали самоуст-

раниться и снять с себя ответственность за возможную неудачу. Последнее в полной мере относится к партийно-политической элите.

Партийная элита и парламентаризм

1. Веймарская Германия: бессилие от всемогущества

До политического кризиса 1930 года, когда президент Пауль фон Гинденбург, воспользовавшись ст. 48 конституции, стал назначать правительство без вотума доверия рейхстага, Германия была одной из самых последовательных парламентских демократий того времени. До этого момента согласие рейхстага на формирование кабинета имело решающее значение. Более того, министерские портфели распределялись внутри правящей коалиции в соответствии с числом мест, которые имели каждая из коалиционных партий в парламенте. Такое положение вещей не нравилось высшей государственной бюрократии Германии, сохранившей свои позиции и после революции 1918 года, но *до определенного момента* чиновничество с этой ситуацией мирилось.

Партийная элита дала массу поводов для собственной дискредитации, поскольку судьба любого правительства в веймарский период целиком зависела от всеислия партийных эгоизмов, опиравшихся на пропорциональную систему выборов. В рейхстаге царил жесточайшая партийная дисциплина, и судьба *каждого* депутата была в руках партийного руководства, от которого целиком и полностью зависело составление партийных избирательных списков. Поэтому при формировании коалиционных правительств (а других в условиях германской многопартийности и быть не могло) не столько согласовывали интересы, сколько происходило столкновение партийных платформ, часто сильно идеологизированных. Как заметил один из исследователей, «это было похоже на действия шофера, который в езде решил руководствоваться не правилами дорожного движения, а личными ощущениями»¹². Каждая партия считала именно свою программу единственно верной и пользовалась любым поводом, чтобы усилить собственное влияние в правительстве, разрушив прежний консенсус. К тому же у парламентариев, избранных по партийным спискам, не было прямой связи с избирателями: они «варились в собственном соку», не утруждая себя соотнесением партийных программ с общегосударственными интересами и интересами избирателей своих округов. Все это делало положение правительства крайне неустойчивым (за 14 лет сменились два десятка).

В кайзеровской Германии разрушительные последствия партийной разобщенности блокировало существование авторитарного режима, который делал правительство независимым от воли рейхстага. В условиях экономического кризиса 1929 года стало в принципе невозможно сфор-

мировать коалиционное правительство, которое пользовалось бы доверием рейхстага и было бы сформировано на основе скрупулезного учета партийных интересов. Поэтому антидемократические круги правящей элиты стали рассматривать возврат к авторитарным методам как удобный повод для реванша.

Однако высшей государственной бюрократии, делавшей ставку на авторитарно настроенного президента Гинденбурга, не удалось бы так легко осуществить антипарламентский поворот, если бы партии «большой коалиции» хоть сколько-нибудь сопротивлялись этому. Руководители крупнейших внутрисистемных партий (СДПГ, «Центр», ННП, НДП) признавали, что действовавшая система власти ведет в тупик, и были согласны на ее изменение, но не захотели бороться за право сделать это вместе с правительственными чиновниками, отказались взять на себя ответственность в трудном деле, успех которого не был гарантирован. Поэтому утверждение, что «веймарская система не была разрушена ее врагами, а пала вследствие законодательного вакуума и самовыключения парламента»¹³, вполне убедительно: действительно, «партийное государство распалось прежде, чем Гитлер его разрушил»¹⁴.

2. Современная Россия: институциональный статус и реальное значение

Российский парламент и партийная элита значительно слабее воздействуют на принятие важнейших политических решений, чем те же элементы политической системы веймарской Германии. Ей, как я уже отмечал, была свойственна дуалистичность — сочетание сильного парламента, который опирался на *реально существующую* партийную систему, пронизывавшую все общество, с президентом, обладавшим чрезвычайными полномочиями. В российском институциональном устройстве такого дуализма нет, поскольку права Федерального собрания ущемлены и оно не столько выполняет функцию классического парламента, сколько служит каналом для «сброса» отрицательной энергии; при этом «один клапан — Государственная дума — должен выпускать политические «пары», а другой — Совет Федерации — региональные»¹⁵.

Ущербное состояние российского парламентаризма во многом объясняется отсутствием подлинной системы политических партий, встроенных в ткань общества¹⁶. В этой области наблюдается явное несоответствие: вес, приданный партиям законом (половина депутатов Государственной думы избирается по партийным спискам), явно не соответствует их действительной роли. Как известно, в России практически нет партий, которые были бы серьезными общественно-политическими организациями и отражали бы подлинные интересы многочисленных слоев населения. В веймарской Германии введение партийно-пропорциональной системы

выборов отражало *реальную ситуацию*: различные слои населения были «поделены» между ведущими политическими партиями, и действовала густая сеть различных общественно-политических организаций. В России же предпочли пропорциональную систему выборов по другим соображениям: она была призвана стимулировать формирование партийно-политической системы, которой на момент принятия конституции в 1993 году *на деле не существовало*. В результате такого «институционального аванса» в Думе оказались представлены не столько политические партии, сколько «политические клубы, группы поддержки отдельных лидеров, «зонтики» для реализации интересов корпоративных группировок»¹⁷. Такая фрагментация политического поля порождает неопределенность и аморфность при выдвижении различных политических требований. Показательно, что почти половина депутатов, прошедших на выборах 1995 года в Думу по партийным спискам, ранее объявляли себя беспартийными или членами иных партий¹⁸. И если поведение различных партийных групп в веймарском рейхстаге было чрезвычайно предсказуемым, то в Думе «позиции ее членов нередко определяются не партийной принадлежностью», а опираются на «проличностные, клиентелистские склонности или антипатии в отношении лидеров исполнительной власти»¹⁹ — за исключением тех случаев, когда фракции решают голосовать солидарно.

К тому же российские парламентарии своеобразно подходят к принципу коалиционности, который, собственно, и позволяет существовать многопартийности. Депутаты Федерального собрания не отвечают за управление государством и понимают, что без реально существующей партийно-политической системы партии к этому процессу допущены не будут, а потому лидеры основных парламентских партий готовы вступать *в любые* объединения, что, с одной стороны, увеличивает степень непредсказуемости Думы, а с другой — превращает ее в объект манипуляций исполнительной власти.

Более управляемой делает партийную элиту современной России и то обстоятельство, что у большинства партийных лидеров — «номенклатурные корни»²⁰. Они долго играли по номенклатурным правилам и потому согласны признать, что парламентская практика — не единственно возможные правила игры и принцип «*one game in town*» тут вовсе не применим. Этим российские парламентарии отличаются от веймарской партийно-политической элиты, которая сформировалась в кайзеровской Германии и была изолирована от правящей бюрократии; та же была вынуждена в новых условиях подчиниться новым правилам игры, не теряя, впрочем, надежды на реванш.

Правительство и высшая бюрократия в условиях демократизации

1. Веймарская Германия: неудавшийся синтез

После того, как в веймарской Германии были созданы новые институты государственной власти, в них пришлось совместно работать прежней высшей бюрократии и новым (с точки зрения реального участия в выработке государственного курса) политическим силам, которые олицетворяли лидеры ведущих политических партий, получавшие теперь важнейшие министерские посты. Хотя влияние старой бюрократии и упало, она сохранила за собой контроль над разработкой социально-экономических и политических документов, так как «в процессе законодательной деятельности бюрократические экспертные оценки и консультации в сфере специальных вопросов все еще играли решающую роль»²¹. Чиновники оставались ближайшими сотрудниками министров; вынужденные в условиях неотвратимого компромисса с партийно-политической элитой подчиняться принятым правилам игры, они тем не менее испытывали неприязнь к «нуборишам», пришедшим в правительственные кабинеты «с улицы». Когда же разразился кризис 1929 года, высшая бюрократия, поддержанная Гинденбургом, получила возможность отбросить эти правила. Кризис не то чтобы *принудил* президента действовать таким образом, но стал сигналом к проведению желанного для старой элиты реакционного курса. При всех расхождениях между отдельными политическими группировками в вопросах тактики такая политика соответствовала широкому консенсусу внутри германской элиты (включая высший слой буржуазии), стремившейся дискредитировать Веймарскую республику и отречься от компромисса 1918—1919 годов.

Однако когда влияние ослабло, нарушилось и равновесие в институциональной системе власти. Теперь президент остался *единственным* источником законной власти. Отныне только он легитимировал правительство, которое уже не несло ответственности перед рейхстагом. Исключение из игры этого *конституционного* органа народного представительства лишило исполнительную власть собственной *институциональной властной основы*, и она теперь целиком зависела от Гинденбурга и его камарильи.

Неправильно обвинять представителей высшей бюрократии в том, что они целенаправленно способствовали приходу Гитлера к власти. Однако их вина в другом: они не видели, что принимавшиеся ими меры косвенно приближали триумф нацизма. Политика президентских кабинетов была в определенном смысле слова «неполитической», так как в ее основе лежало непонимание старой элитой действующей конституционно-партийной системы. Идеал Генриха Брюнинга, которого Гинденбург называл лучшим канцлером

после Бисмарка, и его последователей развивал старую политическую традицию, ставившую государство выше демократии. Однако в Германии начала 30-х годов «надпартийное государство превратилось в деструктивную фикцию»²², уничтожив республиканские институты. Может быть, Брюнинг и его команда не хотели полностью ликвидировать демократические правила игры, однако их желание сделать демократическую систему «немного беременной» авторитаризмом вызвало цепную реакцию разрушения демократических институтов. Этому способствовала и позиция основной части партий «большой коалиции», которые, с одной стороны, не хотели уступать, но с другой — не предпринимали никаких решительных шагов, чтобы перехватить инициативу. Напрасно министр внутренних дел Карл Вирт заклинал своих противников отступить и проголосовать за доверие правительству, чтобы не доводить парламентский кризис до кризиса системы. Как заметил биограф Гитлера Иоахим Фест, «казалось, демократия устала от самой себя»²³.

Возник институциональный вакуум, и чем сильнее пытались компенсировать его применением авторитарных методов, тем быстрее правящая элита теряла *реальную* власть. Чем громче она рассуждала о «новом государстве», тем более очевидным становилось бессилие дряхлеющего Гинденбурга. Жертвой его старческого каприза и ультраправых настроений юнкерства пал Брюнинг, а при следующем канцлере — Франце фон Папене — слабость правительства стала совершенно очевидной. Оно отстранило социал-демократов от руководства земельным правительством Пруссии и продолжило распускать рейхстаги. В итоге на выборах в ноябре 1932 года кабинет, оставшийся без каких-либо институциональных оппонентов, без парламента и федеративного противовеса, получил менее 10 проц. голосов. Сосредоточив в своих руках всю полноту власти, чиновничество, *умевшее управлять*, обнаружило, что *не может править*: без реальной электоральной поддержки власть в Германии той поры была возможна только как тоталитарная; старая же политическая элита, воспитанная в аристократическом духе, не способна была создать такой режим. В поисках союзника, располагавшего массовой базой, она оказалась перед выбором: либо союз с партиями веймарской коалиции во главе с социал-демократами, либо с Гитлером. Первый путь был бы поражением авторитаризма, а потому Гинденбург и его окружение пошли по второму пути — *вынужденно*, ибо считали Гитлера выскочкой-ефрейтором, рвущимся в генералы. «Обе стороны не искали друг друга, но в конце концов нашли»²⁴.

2. Номенклатурная самодостаточность правящей элиты в современной России

Реально правящая сейчас российская элита гораздо больше похожа на своего веймарского «аналога», чем партийные политики двух стран. Хотя формаль-

но полномочия этой элиты широки, институционально она очень слаба. Даже оттеснив в 1993 году парламент от многих подлинных рычагов власти, бюрократия не создала действенных механизмов, которые позволяли бы ей проводить в жизнь свои решения. Не случайно в одной из своих статей, явно апологетической по отношению к президентской власти, Алексей Салмин тем не менее констатировал: главная проблема президентской власти — в том, что «при всей своей внушительности она не опирается на сколько-нибудь заметную властную структуру»²⁵. Причину такого положения автор видит «не столько в силе президента, сколько в слабости других институтов». «Вакуум в сферах законодательства и правоприменения всегда заполняется действиями исполнительной власти, даже если эта последняя сама не обладает достаточной силой и организованностью»²⁶, — совершенно справедливо замечает Салмин, умалчивая, однако, о том, что вакуум этот образовался в первую очередь по вине исполнительной власти. Примерно то же произошло в веймарской Германии, где высшая бюрократия вкупе с президентом *сначала разрушила* почти все институциональные основы политической системы, а потом, *обнаружив* собственную неспособность управлять в таких условиях, пошла на союз с Гитлером, теша себя несбыточной надеждой «приручить» амбициозного фюрера. Эту последнюю ошибку российские правящие круги в обозримом будущем вряд ли совершат — по ряду причин.

Немецкая бюрократия всегда считалась идеальной исполнительницей верховной власти, которая до провозглашения Веймарской республики была сосредоточена в руках кайзера и окружавшей его аристократии. После революции 1918 года этот круг людей был *полностью* отстранен от власти; его заменила партийная (в основном либеральная и социал-демократическая) элита, которую дотеле в коридоры власти не допускали. Нынешние же высокопоставленные носители российской исполнительной власти — это в основном представители или *воспитанники* прежней хозяйственной, советской и (в меньшей степени) партийной номенклатуры. Руководя во многом авторитарными методами, они занимаются привычным для себя делом — правда, в новых условиях. В отличие от немецкого высшего чиновничества российская номенклатура самодостаточна и могуча, что видно по той легкости, с какой она восстановила свои позиции во властных структурах после «романтического периода» конца 1991—начала 1992 годов. При этом «номенклатура, используя политическую власть, освоила механизм приватизации и образовала большую часть финансовой элиты»²⁷. В этом постсоциалистическое развитие России отличается от тех же процессов в странах Восточной Европы, где старая элита «была вынуждена обменять власть на собственность», в России же «она сохранила и собственность, и власть»²⁸. Еще меньше сходство российской бюрократии с высшим немецким чиновничеством, которое было неподкупным и никогда не занималось бизнесом «в рабочее время», видя

свое призвание *только в политико-административной деятельности*. Поэтому, когда в период кризиса Веймарской республики оно согласовывало свою политику с нуждами крупной антидемократически настроенной буржуазии, у него не было собственных и собственнических, экономических интересов. Современная российская правящая элита — более «универсальное» в этом отношении образование, включающее в себя как собственно политических деятелей, напрямую вовлеченных в экономическую сферу, так и высший слой предпринимателей, чей бизнес либо тесно переплетается с политической деятельностью, либо непосредственно является таковой. Именно поэтому время от времени внутри правящей элиты возникают конфликты вроде скандала вокруг приватизации «Связьинвеста» или «литературных гонораров» Чубайса и его ближайшего окружения. Эти трения в лучшем случае позволяют гражданам составить себе представление о царящих в данной среде нравах, но внутринаomenclатурного консенсуса они не нарушают.

Можно предположить, что такой характер правящего слоя позволяет ему сохранять прочные позиции при институциональной скудости российской общественно-политической системы. Единственный по-настоящему критический момент в такой ситуации — президентские выборы. Однако, как показала последняя избирательная кампания, партия власти умело использовала институциональный вакуум и непредсказуемый исход голосования. Избирателям внушали, что поскольку институциональных гарантий сохранения общественного строя нет, то следует проголосовать «как надо», а не «как хочется», чтобы демократия сохранила *хоть какие-то* шансы на дальнейшее существование.

Таким образом, у широко распространенного представления, будто правящая номенклатура при всех своих недостатках и пороках тем не менее боится страну от антидемократического переворота, есть и оборотная сторона: правящий слой сильно заинтересован в том, чтобы законсервировать неразвитое институциональное состояние общества и государства, уменьшив тем самым вероятность развития *демократической альтернативы* его собственной власти.

* * *

Итак, сопоставляя веймарскую Германию с современной Россией, мы видим *сходные процессы* перехода от авторитаризма к демократии, протекающие, однако, в *совершенно разных условиях*, которые обусловлены отличающимися друг от друга предпосылками исторического развития двух стран, а также разным положением на «стреле времени». Как бы банально ни звучало замечание, что 90-е и 30-е годы нашего века — разные эпохи, но сравнение политических элит обеих стран обнаруживает у них индивидуальные особенности, восходящие к уникальному историческому контексту.

Различные сегменты политической элиты Веймарской республики, расколотившиеся идеологически, но вынужденные сосуществовать друг с другом, воспроизвели этот раскол и вынужденный компромисс на институциональном уровне. Тем самым они заложили мину замедленного действия в фундамент демократического порядка, который при других условиях мог бы успешно функционировать, ибо опирался на весьма развитую общественно-политическую структуру Германии. Именно этим обстоятельством воспользовались западные оккупационные власти после Второй мировой войны. Им не удалось бы сравнительно быстро и безболезненно внедрить демократический порядок в Западной Германии, если бы ее население уже не имело «навыка» жизни в демократической институциональной системе, который не смогла уничтожить даже нацистская диктатура.

Российская политическая элита действует в принципиально иной ситуации. С одной стороны, у нее нет необходимости заключать вынужденный компромисс и терпеть институциональный дуализм, поскольку победа «ново-старой» номенклатуры закреплена в конституции, а партийная элита оттеснена на второй план. Однако у этой медали есть и обратная сторона: правящий слой действует в своего рода институциональном вакууме (который усугубляет неразвитость гражданского общества), испытывая в этой связи не только затруднения (многие властные решения оказываются «непроходимыми»), но и искушение законсервировать такое состояние, чтобы избавиться от демократического контроля и риска потерять власть.

В веймарской Германии главная угроза демократии исходила от *вне-системных* сил: одна из них узурпировала рычаги государственного управления, воспользовавшись разрушением институциональной системы вследствие конфликта внутри политической элиты. В современной же России одно из главных препятствий развитию демократии — *внутри-системная* номенклатурная правящая элита, которая формально следует демократическим правилам игры, но в длительной перспективе может выжить только при условии институциональной неразвитости гражданского общества. Возникают вопросы: как долго эти правила будут оставаться одновременно и формальными, и демократическими? Смогут ли правящие слои раз за разом эксплуатировать во время президентской кампании (одна из немногих реально действующих демократических процедур) лозунг фактической безальтернативности демократического выбора, объявляя кандидата партии власти единственным гарантом сохранения демократии? Не возрастет ли в таких условиях опасность усиления внесистемных элементов, если те зададутся целью разорвать порочный круг выхолощенных демократических процедур, отбросив демократические нормы?

Примечания

- ¹ А. Янов. После Ельцина. «Веймарская Россия». М., 1995.
- ² Сборник документов по всеобщей истории государства и права. Под ред. К. Ливанцева. Л., 1977, с. 188.
- ³ К. Sontheimer. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1992, S. 21.
- ⁴ К.-D. Erdmann. Die Geschichte der Weimarer Republik als Problem der Wissenschaft. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1955, Н. 1, S. 7.
- ⁵ К. Bracher. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart, 1957, S. 12.
- ⁶ Сборник документов по всеобщей истории государства и права, с. 120.
- ⁷ К. v. Ossietzky. Schriften. Bd.1. Berlin — Weimar, 1966, S. 152.
- ⁸ К. Bracher. Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur. München, 1974, S. 39.
- ⁹ D. Preukert. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der Klassischen Moderne. Frankfurt a/M., 1989, S. 47.
- ¹⁰ Г. Белов. Пути эволюции нормативной политической системы российского общества. «Вестник Московского университета». Серия 18. Социология и политология. М., 1997, № 1, с. 31.
- ¹¹ И. Дускин, Е. Авраимова. Адаптация населения и элит. «Общественные науки и современность», 1997, № 3, с. 27.
- ¹² О. Пленков. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997, с. 204.
- ¹³ К.-D. Erdmann. Op. cit., S. 16.
- ¹⁴ И. Куколев. Трансформация политической элиты в России. «Общественные науки и современность», 1997, № 4, с. 83.
- ¹⁵ Р. Евзеров. Дееспособность нынешнего российского парламента. «Полис», 1995, № 1, с. 166.
- ¹⁶ КПРФ в этом смысле — скорее исключение. Однако система ее первичных организаций связана главным образом с инерцией прошлого, и насколько эта система жизнеспособна, еще не ясно.
- ¹⁷ Р. Евзеров. Ук. соч., с. 166.
- ¹⁸ Там же, с. 172.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ О. Крыштановская. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. «Общественные науки и современность», 1995, № 1, с. 59.
- ²¹ И. Куколев. Трансформация политической элиты в России. «Общественные науки и современность». 1997, № 4, с. 83.
- ²² К. Bracher. Brünnings unpolitische Politik. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1971, Н. 2, S. 116.
- ²³ И. Фест. Гитлер: Биография. Т. 2, Пермь, 1993, с. 117.
- ²⁴ D. Preukert. Op. cit., S. 260.
- ²⁵ А. Салмин. О некоторых проблемах самоопределения и взаимодействия исполнительной и законодательной власти в Российской Федерации. «Полис», 1996, № 1, с. 8.
- ²⁶ Там же, с. 20.
- ²⁷ И. Куколев. Ук. соч., с. 83.
- ²⁸ Н. Поливаева. Политическое сознание россиян в 90-е годы: состояние и некоторые тенденции развития. «Вестник Московского университета». Серия 12. Политические науки. М., 1997, № 5, с. 43.